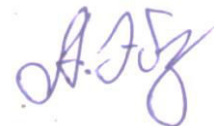

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Эбзеев Ахмат Аскербиевич

**Современный неинституированный политический процесс:
северокавказская проекция
(на примере Карачаево-Черкесской Республики)**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Екатеринбург – 2020

Работа выполнена на кафедре истории, обществознания и политологии РГБУ ДПО «Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования» (г. Черкесск).

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Шебзухова Фатима Айсовна

Официальные оппоненты: **Вартумян Арушан Арушанович**, доктор политических наук, профессор, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал), ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Пятигорск, профессор кафедры истории и философии права;

Кефели Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург, директор Центра геополитической экспертизы;

Чагилов Валерий Расулович, доктор политических наук, профессор, ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт», г. Невинномысск, профессор кафедры социально-гуманитарных и юридических дисциплин

Защита состоится «16» февраля 2021 г., в 11:00 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 23.01.05 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ауд. 248 (зал заседаний диссертационных советов).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=1741>

Автореферат разослан «__» января 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор политических наук, доцент

Керимов Александр Алиевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется прежде всего назревшей необходимостью глубокого научного осмысления неинституированных практик, используемых различными политическими акторами. Такие практики получили довольно широкое распространение, особенно в некоторых российских регионах. Многонациональное общество, разделенное этническими границами, все больше способствует возникновению и созданию скрытых, обособленных органов управления, что усугубляет ситуацию и ведет к заметному падению уровня жизни, а также снижению экономической и культурной активности. Не оправдались ожидания, что децентрализация власти сама по себе приведет к расцвету демократии и экономическому росту. Скорее она привела к созданию клановой системы правления, при которой личные интересы зачастую преобладают над государственными. Слабость политических институтов порождает ощущение безысходности, которое только укрепляет дестабилизирующие тенденции. Все это требует дальнейшей разработки и концептуализации такого понятия, как неинституированный политический процесс.

К настоящему времени регионалистический дискурс занял видное место в научных кругах. Проблемы безопасности на региональном уровне сегодня не менее актуальны, чем проблемы государственной или национальной безопасности. Исходя из этого, наиболее актуальной научной задачей стало всестороннее осмысление факторов, определяющих кризисные процессы, а также осмысление и анализ положительного и отрицательного опыта развития российских регионов.

С точки зрения целей настоящего исследования наибольший интерес представляет регион Северного Кавказа, где во всем многообразии ярко проявляются неинституированные политические практики. Сращивание институтов власти и этнических элит, имеющее в регионе продолжительную историю, начавшуюся еще в имперской России и латентно развивавшуюся при социалистическом строе, оказывает значительное влияние на политический процесс. Этнические элиты играют ключевую роль в возникновении и разрешении политических конфликтов, стабилизации и дестабилизации политической обстановки в регионе. Здесь «клан», «фамилия», «род», «фамильный аул» (территория) не превратились в архаичные понятия, продолжая оказывать влияние на формирование современных властных структур, распределение ресурсов и конфигурацию финансовой системы. В выборных кампаниях – это теньевые, но при этом главные регуляторы в отборе и поддержке претендентов. Они же являются и движущими силами политической интеграции, реинтеграции и дезинтеграции в полиэтничном регионе. В связи с этим изучение этнической элиты как основного актора политического процесса приобретает особую актуальность.

Экстраполируя процесс глобализации на свои маленькие территории, элиты дают начало процессу роста напряженности межэтнических отношений, декларируя превосходство одного этноса над другим. Информационно-идеологическое направление местных «глобалистов» построено на внедрение в сознание населения, особенно молодежи, идеи приоритета частного интереса над общественным. Открыто демонстрируются достижения личной выгоды и формируется убеждение в безграничных возможностях богатства. Размер личного и семейного богатства в силу беззастенчивой демонстрации его возможностей, все более ощутимо начинает обретать статус первоосновы, тесня традиционную духовность и традиционный аскетизм. В многонациональных сообществах девальвация духовности тут же восполняется межнациональной непримиримостью.

На современные политические процессы в регионе активно воздействует историческая память. Умелые действия деструктивно настроенных элит переводят существующие в массовом сознании настроения из плоскости ущемления материальных интересов народа, на позиции оскорбления его чести. Подобный перевод является распространенным механизмом трансформации социально-экономического конфликта в национально-политический. Для своевременного и эффективного вмешательства в эти деструктивные процессы властям разного уровня обычно не хватает как теоретических знаний, так и практических навыков в управлении неинституированным политическим процессом. И в этой связи настоящее диссертационное исследование призвано внести определенный вклад в формирование научной региональной парадигмы как направления политологических исследований в полиэтничном регионе.

Учитывая изложенное выше, можно заключить, что исследование современного неинституированного политического процесса, выполненное на материалах политической жизни Северного Кавказа, представляется крайне актуальным, как с точки зрения политической теории, так и с точки зрения политической практики.

Степень разработанности темы. Отдельные проблемы, так или иначе касающиеся неинституированного политического процесса, изучались целым рядом отечественных и зарубежных ученых. Все их работы, по нашему мнению, можно условно разделить на три группы. Первую группу составляют работы, посвященные политическому процессу в целом, его содержанию и динамике. Сюда можно отнести работы Р. Далтона, М. Манион, Д. Кингдона, Б. Пауэлла, К. Стрем, А. Ю. Шутова¹ и др. Ко второй группе можно причислить работы, авторы которых рассматривали отдельные стороны неинституированного политического процесса, такие как политический протест, клиентелизм и пр. Это труды А. В. Гилева, Е. В. Колдуновой, Д. Корнстейджа, Л. Мюллер² и др. Третья группа

¹ Powell G. B. et al. Comparative Politics Today: A World View. London: Pearson, 2018; Kingdon J. W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. London: Pearson, 2011; Шутов А. Ю. Политический процесс (теоретико-методологические аспекты): дисс. ... канд. полит. наук. М., 1993.

² Гилев А. В. Политические машины и политический клиентелизм в российских регионах // Политическая наука. 2017. № 4. С. 61-84; Колдунова Е. В. Политический кризис и социальный протест в Таиланде // Вестник

включает работы, в которых анализируются собственно неинституированные политические практики. В этом русле работает, например, Ц. Фанг³.

Акцент, сделанный в работе на Северном Кавказе, требует упоминания в настоящем разделе и работ, анализирующих политический процесс в этом стратегически важном регионе. Среди этих работ можно также условно выделить несколько групп. Первая группа посвящена внешним факторам, влияющим на политический процесс на Северном Кавказе. Ю. Г. Волков, В. В. Дегоев, А. И. Добаев, И. П. Добаев, А. В. Лубский, В. П. Чернобровкин, В. М. Юрченко и другие авторы исследуют угрозы национальной безопасности Российской Федерации на кавказском направлении.⁴ В. Д. Дзидзоев, В. Н. Панин, М. Д. Розин, В. Н. Рябцев, В. П. Свечкарев, А. А. Язькова и др. акцентируют внимание на анализе функций кавказского региона в системе современных международных отношений, касаясь и особенностей политических процессов⁵. Северный Кавказ привлекает внимание таких зарубежных аналитиков, как С. Корнелл, С. Мур, Д. О'Лафлин, Ф. Старр, Ф. Уитмер, Э. Холланд и др.⁶, рассматривающих протекающие в нем политические процессы сквозь призму обеспечения безопасности в западном мире.

Вторая группа посвящена внутренним факторам, влияющим на политический процесс на Северном Кавказе. Различные политические проблемы, обусловленные внутренними факторами, освещают в своих публикациях такие исследователи, как Е. Ю. Баженова, В. Н. Коновалов, Г. В. Косов, А. В. Сериков, Г. В. Станкевич, Д. В. Умаров, В. В. Черноус⁷ и др.

МГИМО-Университета. 2015. № 4. С. 222-228; Cornstage D. The Price of a Vote in the Middle East: Clientelism and Communal Politics in Lebanon and Yemen. Cambridge: Cambridge University Press, 2017; Mueller L. Political Protest in Contemporary Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

³ Fang J. Non-institutional Political Participation: A Case Study of Chinese Peasants During the Transformation Period. Heidelberg: Springer, 2016.

⁴ Волков Ю. Г., Лубский А. В., Чернобровкин И. П. Консолидация ценностной политики на Юге России // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11. С. 34-43; Дегоев В. В. Кавказская «обочина» мировой политики XX века // Кавказология. 2018. № 1. С. 191-207; Добаев И. П., Добаев А. И. Финансовые аспекты подпитки сетевых террористических структур на Северном Кавказе // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 132-142; Юрченко В. М. Проблемы обеспечения национальной безопасности России: геополитические и внутригосударственные аспекты, существующие вызовы, угрозы и риски // Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т. А. Сеньюшкиной, А. В. Баранова. Симферополь: Ариал, 2016. С. 255-258.

⁵ Дзидзоев В. Д. Осетинская интеграция: сторонники и противники // Вестник Владикавказского научного центра. 2016. Т. 16. № 1. С. 27-32; Панин В. Н., Рябцев В. Н. Американские технологии «переформатирования» государств Ближнего и Среднего Востока в современных условиях // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 175-180; Розин М. Д., Рябцев В. ., Свечкарев В. П. Черноморско-Каспийский регион как поле «Большой игры»: классификационный системный анализ // Инженерный вестник Дона. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_81_Rozin.pdf_77567dfff8.pdf; Язькова А. А. Большое Причерноморье: проблемы геополитики и геоэкономики // Современная Европа. 2016. № 3. С. 147-148.

⁶ Starr S. F., Cornell S.E. The Long Game on the Silk Road: US and EU Strategy for Central Asia and the Caucasus. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018; Moore C. Foreign Bodies: Transnational Activism, the Insurgency in the North Caucasus and «Beyond» // Terrorism and Political Violence. 2015. Vol. 27. № 3. P. 395-415; Holland E. C., Witmer F. D. W., O'Loughlin J. The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010-2016 // Eurasian Geography and Economics. 2017. Vol. 58. № 6. P. 613-641.

⁷ Баженова Е. Ю., Сериков А. В., Черноус В. В. Стратегирование в государственной региональной политике России и обеспечение ее национальной безопасности // Гуманитарий Юга России. 2017. № 1. С. 130-139; Коновалов В. Н. Роль борьбы за ресурсы и статусы в урегулировании конфликтов на Северном Кавказе // Кавказ в начале XXI

Наконец, третью группу составляют работы, в которых поднимается тема этнополитических процессов и этнополитических конфликтов. Широкий круг отечественных авторов занимается изучением теоретических проблем этнополитических аспектов политической ситуации в регионе Северного Кавказа. В этом спектре необходимо выделить исследователей А. З. Адиева, М. А. Аствацатурову, Н. Ф. Бугая, Л. М. Дробижеву, В. Ю. Зорина, Т. Н. Литвинову, А. А. Санглибаева, В. В. Степанова, В. А. Тишкова, Х. Г. Тхагапсоева, Д. С. Чекменева, Е. А. Щербину и других авторов⁸. Отметим, что при рассмотрении общих проблем отечественной этнополитической ситуации обычно используются эмпирические материалы на примере именно Северо-Кавказского региона. Это свидетельствует о модельном характере Северного Кавказа с точки зрения изучения современной отечественной этнополитики.

Несмотря на разработанность многих аспектов, касающихся предмета настоящей работы, комплексного и детального политологического исследования неинституированного политического процесса до настоящего времени не проводилось, что и определяет научный интерес автора к избранной теме.

Объектом диссертационного исследования выступает современный политический процесс.

Предметом диссертационного исследования являются неинституированные практики политического процесса.

Цель диссертационного исследования состоит в изучении современного неинституированного политического процесса с использованием кейсов Северо-Кавказского макрорегиона.

Задачи исследования:

- выделить особенности и сущностные характеристики неинституированного политического процесса;
- обозначить социально-политические последствия неинституированного политического процесса, в том числе в полиэтничном политическом пространстве;

века: народы, общество и государство / Под ред. Т. А. Шебзуховой, А. А. Вартумяна, Н. Ю. Рудь. Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 173-177; Косов Г. В., Станкевич Г. В., Умаров Д. В. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция // Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе / Под ред. Н. П. Медведева. Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 46-59.

⁸ Адиев А. З., Щербина Е. А. Дагестан и Карачаево-Черкесия: проблемы регулирования этнического состава в органах власти в полиэтничных регионах // Власть. 2017. Т. 25. № 2. С. 59-63; Аствацатурова М. А., Чекменев Д. С. Фактор этнокультурных и этноконфессиональных отношений современного общественного дискурса СКФО // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 2. С. 162-166; Бугай Н. Ф. Проблема безопасности в межэтнических отношениях: составляющие, эволюция, решение // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5-1. С. 90-107; Дробижева Л. М. Межнациональное согласие в политике государства и массовом сознании // Вестник Российской нации. 2015. № 5. С. 105-126; Зорин В. Ю. Стратегия государственной национальной политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 4. С. 158-176; Литвинова Т. Н. Доверие власти как предпосылка согласия в обществе (на примере Северо-Кавказских республик Российской Федерации) // Политика и общество. 2018. № 3. С. 35-51; Санглибаев А. А. Этноклановость на постсоветском пространстве // Полис. 2007. № 6. С. 52-63; Тишков В. А., Степанов В. В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 879-890; Тхагапсоев Х. Г. Когда политикой правит культура: к особенностям постсоветской трансформации бытия кавказских этносов // Кавказология. 2018. № 1. С. 12-36.

- выявить условия, благоприятствующие формированию и развитию специфических практик неинституированного политического процесса;
- обосновать роль элиты в функционировании неинституированного политического процесса, выявить ее значение в формировании и трансляции политических практик в ситуации обостряющейся межэтнической конкуренции;
- подтвердить связь между характером социального недовольства и неинституированным политическим процессом;
- определить влияние практик, сформировавшихся в ситуации неинституированного политического процесса, на трансформацию политической лояльности населения;
- доказать наличие корреляции между неинституированным политическим процессом и процессами политической дезинтеграции;
- установить корреляцию между неинституированным политическим процессом и процессами политической интеграции;
- выявить механизмы и границы влияния политики «центра» на неинституированный политический процесс.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Выделены основные особенности неинституированного политического процесса, придающие ему сущностную самостоятельность – наличие неконвенционального политического участия (протест) и неформальной системы распределения политических благ (клиентелизм), наблюдаемых на стадиях артикуляции интересов и осуществления политического курса соответственно;

2. Обозначены последствия неинституированного политического процесса, препятствующие использованию официальных механизмов разрешения разногласий, в том числе последствия неинституированного политического процесса в полиэтничном политическом пространстве, связанные с процессами политизации «неполитического» вообще, и крайне конфликтогенным феноменом политизации этничности в частности;

3. Выявлено главное условие неинституированного политического процесса – дефицит политических ресурсов, который наиболее остро проявляется на регионально-локальном уровне, в частности в Северо-Кавказском макрорегионе, где доминирует этническая элита и сильны идеи этноцентризма, которые сами по себе порождают и поощряют неинституированные политические практики;

4. Обосновано, что на фоне межэтнической конкуренции, характерной, например, для Северного Кавказа, часто происходит раздвоение функций политической элиты и развитие клановой формы клиентелизма, что, в свою очередь, приводит к возникновению уникальной ситуации, когда одна неинституированная практика одного порядка стимулирует неинституированную практику другого порядка;

5. Подтверждено, что неформальная система распределения благ выводит на первое место среди источников социального недовольства политические факторы, однако это недовольство, как правило, не трансформируется в протестную активность, что объясняется искусственной ограниченностью каналов

артикуляции интересов и слабостью оппозиции в лице национальных (этнических) общественных движений;

6. Определено, что неинституированный политический процесс в полиэтничных пространствах, таких как пространство Северного Кавказа, деформирует механизм формирования политической лояльности, которая в рамках такого процесса определяется уже не критериями административно-экономической эффективности, а критериями этнической принадлежности;

7. Доказано, что неинституированный политический процесс используется сторонниками политической дезинтеграции, которая может приобрести форму внутрирегионального политического раскола или суверенизации той или иной части многосоставного государства, ведя к ослаблению существующих механизмов посредничества и сотрудничества, а также эскалации межэтнических и конфессиональных конфликтов;

8. Установлено, что неинституированный политический процесс используется и сторонниками политической интеграции, которые посредством административно-территориального укрупнения и реже суверенизации в форме федерации, стремятся перераспределить властные ресурсы и повысить степень институционализации политического процесса;

9. Показано, что политика центра по отношению к регионам может не только лимитировать, но и интенсифицировать неинституированный процесс в их административном поле, если она, как показывает кейс Северного Кавказа, будет связана с политической градацией местных этносов, «игрой» в «народы-форпосты» и поощрением межэтнических столкновений, неизбежно превращающих его в «серую», малопроницаемую для центральных властей «зону».

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в совершенствовании понятийного аппарата политической науки, введении в научный оборот новых сведений о сущности и особенностях политического процесса, в частности неинституированного политического процесса. Соискатель обосновывает адекватность использования положений теории неинституированного политического процесса для объяснения политических событий на Северном Кавказе. Вместе с тем автором предложена новая концепция, которая может быть использована в качестве методологической базы для дальнейших исследований в данном направлении, как общетеоретического, так и прикладного характера.

Прикладная значимость диссертационного исследования проявляется в предложенных автором рекомендациях органам государственной власти различного уровня, органам местного самоуправления по оптимизации управления политическими процессами в субъектах РФ и на Северном Кавказе в частности. Основные положения диссертационного исследования могут быть использованы в научных исследованиях по политической конфликтологии и политологии, а также политической регионалистике, внутренней геополитике. Кроме этого, материалы диссертационной работы могут быть полезны в

преподавании перечисленных дисциплин в системе повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, в высших учебных заведениях по направлениям «Политология», «Социология», «Государственное и муниципальное управление» и др.

Теоретико-методологические основы исследования. Методологическая основа диссертации носит комплексный характер, обусловленный сложностью исследовательского объекта. Для решения поставленных задач автор использовал ряд взаимосвязанных и дополняющих друг друга исследовательских подходов, концепций и методов. Прежде всего, автор опирался на конструктивистский подход, связывающий политическое поведение и идентичность с «построенным», сформированным в сознании человека образом реальности, а также на вытекающие из него положения неонституционализма, ставящего акцент на правилах и нормах, задающих рамки политического взаимодействия. Вместе с тем автор обращался к системному подходу, представляя политический процесс как неотъемлемый атрибут политической системы, отражающий ее динамическую составляющую. По мнению автора, изучение сложных социальных феноменов, к которым, безусловно, относится и политический процесс, предполагает использование в различных сочетаниях трех указанных подходов.

Помимо названных выше подходов для анализа отдельных аспектов темы применялись специальные концепции, разработанные в рамках современной политической науки. Анализ политического процесса осуществлялся через призму потоковой и стадийной концепций политического процесса. Региональная локализация неинституированного политического процесса рассматривалась через призму теории политического регионализма, а именно той ее части, которая посвящена т.н. микро- и макрорегионам. Вопросы этнополитики, которые, учитывая тему и предмет настоящего исследования, невозможно избежать, нашли осмысление посредством синтеза инструменталистского и конструктивистского подходов к категории этничности. При подготовке диссертации использовались широко признанные методы контент-анализа, кейс-стади и экспертного опроса, позволившие, с одной стороны, доказать ключевые для работы теоретические выводы, а с другой – вывести ряд новых теоретических положений.

Положения, выносимые на защиту:

1. В рамках стадийной модели политический процесс интерпретируется как совокупность следующих друг за другом стадий: артикуляция интересов, агрегация интересов, определение политического курса и его реализация. Первая и последняя из них имеют ключевое значение в понимании сущности неинституированного политического процесса. Политический процесс может быть назван неинституированным, если, по крайней мере, стадии артикуляции интересов и осуществления политического курса будут характеризоваться двумя особенностями: первая – преобладанием неконвенционального политического участия (политического протеста), а вторая – преобладанием неформальной системы распределения политических благ (политического клиентелизма).

Протест и клиентелизм объединяет то, что они игнорируют посредническую роль институтов, приводящих в движение политический механизм в любой демократической системе. Как следствие, такой политический процесс, во-первых, отличается повышенной конфликтностью, и, во-вторых, именно на локально-региональном уровне он находит наиболее благоприятные условия для своего развития.

2. Неинститутированный политический процесс гальванизирует существующие разногласия в социально-политической сфере, не гарантирует их разрешения в связи с доминированием декоративных политических институтов, минимизацией посреднической роли официальных структур, неразвитостью институтов гражданского общества. В таких условиях укрепляется связка «власть – собственность», прогрессирует дисфункция политической системы, легитимизируются условия препятствующие возвращению к функциональному состоянию политической системы, наблюдается рост сторонников данной ситуации среди политической элиты, не видящей альтернативы как социально-политического развития государства, так и своего места в политической иерархии, основанной на иных (в том числе и демократических) принципах. Политические «брокеры», монополизируют право доступа к «патрону», скрывая за интересами «клиентов» свои собственные интересы. При этом государство утрачивает возможность использовать легитимные, конвенциональные и формальные механизмы урегулирования конфликтов, тем самым способствуя их эскалации. Еще выше степень конфликтности неинститутированного процесса в полиэтничном политическом пространстве, где он часто влечет за собой иерархизацию этнонациональной структуры, что в свою очередь, в сопутствующем общественном дискурсе приводит к тому, что социальные проблемы быстро трансформируются в национальные, ведя к этнизации политики или политизации этничности, к крайне конфликтным, по своей сути, социально-политическим процессам, дестабилизирующим политическое пространство страны в целом, порождая волну вызовов, рисков и угроз национальной безопасности.

3. Наиболее благоприятные условия для развития неинститутированных политических процессов складываются на уровне регионов, для которых характерен дефицит политических ресурсов. Северный Кавказ, являясь частью более обширного политического пространства со своей спецификой политической организации, можно классифицировать как политический регион, характеризующийся дефицитом политических ресурсов и, следовательно, обладающий потенциалом для динамики неинститутированного политического процесса. Доминирующим, а порой и единственным, актором политического процесса здесь выступает этническая элита, разделяющая идеи этноцентризма. Этноцентризм накладывает отпечаток на весь политический процесс, который вращается главным образом вокруг защиты национально-этнических прав (следствие полиэтничности) и финансово-экономических интересов (следствие

дефицита экономических ресурсов). Такие параметры, безусловно, и порождают и поощряют неинституированные политические практики.

4. В условиях межэтнической конкуренции наблюдается раздвоение функций политической элиты и развитие клановой формы клиентелизма. Традиционные, явные функции дополнились латентными, недеклалируемыми функциями, приобретшими приоритетное значение. Представители экономической элиты финансируют продвижение своих родственников в политическую элиту, которая, в свою очередь, оказывает чрезвычайно важную политическую поддержку их экономическим интересам. Как следствие, элита, придерживаясь в большинстве своем норм авторитарно-традиционалистской политической культуры, воспринимает власть как механизм распределения материальных благ и экономических преимуществ. Однако, монополизировав функцию распределения, элита превращает власть в орудие дестабилизации общества и конфликтогенный фактор. Возникает уникальная ситуация, когда одна неинституированная практика, неформальная система распределения благ, стимулирует появление другой, неконвенционального политического участия, способной потенциально найти некоторую поддержку на фоне недееспособности местных элит решить экономические проблемы и исторические противоречия.

5. Неформальная система распределения благ, предполагающая чрезмерно активный обмен по линии «власть – собственность», выводит на первое место среди источников социального недовольства политические факторы, которые в значительной степени преобладают над экономическими факторами. При этом неудовлетворенность политической ситуацией не приводит к пропорциональному росту протестного настроения. Число тех, кто готов к выражению активного недовольства, не достигает и трети от общего числа лиц, выражающих пассивное недовольство сложившейся ситуацией. Практическому осуществлению протестной активности препятствует искусственная ограниченность каналов артикуляции интересов и слабость оппозиции в лице национальных общественных движений, вызванная особенностью полиэтнического социума в Северо-Кавказском макрорегионе. Правомерно говорить, что потеря веры в результаты протестных акций, «инфляция» протеста, отчасти блокирует прямую трансформацию практики неформального распределения политических благ в практику неконвенционального политического участия.

6. Неинституированный политический процесс в полиэтничных пространствах деформирует механизм формирования политической лояльности. В обычных условиях уровень политической лояльности к элите коррелирует с уровнем ее эффективности. В определенных условиях эта корреляция разрушается, приводя к тому, что эффективность утрачивает главенствующую роль в конструировании вертикальных политических отношений. На Северном Кавказе главным фактором, деформирующим механизм формирования политической лояльности, оказывается гиперболизированная этническая идентичность и распространенность идей этноцентризма. Наиболее дискредитирующие элиту обвинения, такие как обвинения в коррумпированности и использовании

служебного положения в личных целях, не признаются населением с такой же, как и представители элиты, этнической принадлежностью. При этом менее дискредитирующие обвинения, например, обвинения в непрофессионализме, воспринимаются населением практически в той же степени, как если бы они касались элиты иной этнической принадлежности или элиты, лишенной ярко выраженных этнических признаков.

7. Определенная часть политической активности, входящей в область неинституированного политического процесса, ведется в русле дезинтеграционного вектора. Многие силы в регионе предпринимают попытки радикального перераспределения властных ресурсов и делегитимизации традиционных элит, игнорируя возможные негативные последствия, а зачастую и прямо призывая к дестабилизации политической ситуации. Сторонники политической дезинтеграции, которая может найти выход как в форме внутрирегионального политического раскола, так и в форме суверенизации той или иной части многосоставного государства, широко используют неинституированные процедуры, воспринимаемые ими как эффективные, а порой и единственные, средства распространения своих идей, расширения собственных рядов и обретения дополнительных финансовых ресурсов. С учетом специфики северокавказского макрорегиона наложение дезинтеграционных стремлений на неинституированные политические практики порождает две угрозы стабильному протеканию политических процессов – эскалацию межэтнических конфликтов и ослабление существующих механизмов посредничества и сотрудничества по линиям «регион – центр», «регион – регион», «регион – часть региона» и «часть региона – часть региона».

8. Специфические политические практики задействованы для поддержания политической активности в русле интеграционного вектора неинституированного политического процесса. В политической интеграции заинтересованы элиты, стремящиеся к открытию новых сфер политической реализации, с вытекающим отсюда распределением властных ресурсов. Данный вектор неинституированного политического процесса значительно слабее дезинтеграционного вектора и включает в себя на настоящий момент лишь неформальную систему распределения политических благ. Он находит отражение либо в идее интеграции региона как целого в государственное образование, идее, получившей реализацию в виде создания Северо-Кавказского федерального округа, либо в идее интеграции региона в суверенную федерацию, идее, имеющей свою богатую историю, но менее популярной и крайне труднореализуемой на практике. Большая часть современной политической элиты Северного Кавказа, отказавшись от сепаратизма, пытается в отношениях с федеральным центром совмещать демонстрацию лояльности со своим правом на внутреннюю политическую автономию, которая бы открыла дорогу большей институционализации политического процесса.

9. Политика центра по отношению к регионам оказывает разнонаправленное влияние на масштабы и содержание неинституированного процесса,

разворачиваемого в их административном поле. Независимо от своих форм, будь то диалог или репрессивные акции, такая политика может как сокращать, так и расширять масштабы и содержание неинституированного политического процесса. Российская политика крайне разнообразна, что затрудняет однозначную оценку ее влияния на неинституированный процесс на местах. Однако, экспертные опросы показывают, что федеральные решения будут интенсифицировать неинституированный политический процесс, если они будут связаны с политической градацией местных этносов, «игрой» в «народы-форпосты» и поощрением межэтнических столкновений. При подобных социально-политических и духовно-идеологических доминантах северокавказский макрорегион будет превращаться во «внутреннее зарубежье» и сползать в «серую», малопроницаемую для федеральной власти «зону», создающую благоприятные условия для неинституированных политических практик.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки работы охватывают период с 1998 по 2018 гг. Выбор 1998 г. в качестве нижней хронологической границы исследования обусловлен ростом социально-экономической, этнополитической напряженности в Карачаево-Черкесии накануне первых в истории республики прямых выборов главы региона, кульминацией которых стал политический кризис 1999 г., потребовавший вмешательства федерального центра. Вмешательство центральных властей и проявление воли со стороны конфликтующих сторон исключили возможность развития событий по деструктивному сценарию. Кроме того, следует учитывать, что после урегулирования острой фазы конфликта, нельзя было исключать рецидивов, поскольку основные социально-экономические, межэтнические противоречия в республике оставались нерешенными, что, безусловно, требовало более длительного периода для решения существующих проблем. Поэтому представляется, что именно в длительном временном отрезке (1998 по 2019 гг.) можно выявить особенности исследуемого объекта, этапы его развития и характерные черты эволюции.

Эмпирическая основа исследования включает в себя следующие виды документов:

– законодательные акты Российской Федерации и республик Северного Кавказа по вопросам национальной безопасности и приграничного сотрудничества;

– нормативно-правовые акты РФ и республик Северного Кавказа по данной тематике;

– материалы центральной и региональной периодической печати;

– результаты социологических исследований, проведенных ранее в различных субъектах РФ на территории Северного Кавказа;

– результаты социологического опроса, проведенного автором в ходе подготовки диссертационной работы;

– результаты собственного исследования (экспертного опроса), проведенного

автором в ходе подготовки диссертационной работы;

– документы политических партий и этнически ориентированных организаций региона;

– тексты публичных выступлений политических деятелей.

Более подробной характеристики здесь требует такой эмпирический источник, как результаты проведенного автором исследования «Проблемы и перспективы этнополитической трансформации региона» (первый этап: февраль–июнь 2009 г.; второй этап: февраль–июнь 2018 г.).

Учитывая сложность объекта исследования и отсутствие в массовом сознании четких представлений об этнополитической трансформации, автор посчитал неэффективным проведение количественного опроса и избрал в качестве адекватного метода экспертный опрос. Экспертный опрос был проведен по разработанному автором опросному листу. В опросе приняли участие 45 экспертов, представляющих все субъекты Российской Федерации, отнесенные к Северному Кавказу в рамках нашего диссертационного исследования. Формируя экспертный пул, автор исследования стремился придерживаться следующего принципа: в каждом субъекте Федерации опрашивались минимально один представитель власти, научного сообщества и некоммерческой организации. Учитывая общее количество опрошенных экспертов, в большинстве субъектов РФ опрашивалось более чем по одному представителю каждой группы. Экспертный потенциал человека и адекватность этого потенциала теме опроса определялись по следующим параметрам: сфера деятельности; длительность работы по тематике исследования; общепризнанные достижения эксперта. Эксперты подбирались по методике «снежного кома», когда отобранный для участия в исследовании эксперт рекомендовал других экспертов, соответствующих заданным параметрам. Тема опроса политически чувствительна, в связи с чем, большая часть экспертов согласилась принять участие в опросе только на условиях анонимности.

Степень достоверности результатов проведенного исследования подтверждается использованием работ ведущих отечественных и зарубежных ученых по исследуемой проблеме, данных социологических исследований, корректным использованием методов обоснования выводов и рекомендаций. Обоснованность результатов, полученных диссертантом, базируется на используемых автором общенаучных методах познания (анализ, синтез, сравнение, обобщение), а также на методах структурно-функционального анализа, системного, институционального, неинституционального, компаративного (сравнительного), исторического, социологического, нормативно-ценностного подходов.

Апробация результатов исследования была проведена в течение 2003-2019 гг. Материалы и положения диссертации апробированы в выступлениях автора на региональных, всероссийских и международных научных и научно-практических конференциях: (Нижний Архыз, 2003; Тбилиси, 2005; Ростов-на-Дону, 2006 и

2007; Ростов н/Д, 2008; Армавир, 2008; Армавир, 2009; Пятигорск. 2012; Махачкала, 2014).

Основные положения и выводы диссертации аргументируются автором в 42 научных публикациях общим объемом 88,94 п.л., в том числе 17 статьях в ведущих научных журналах из числа изданий, в которых ВАК Минобразования РФ рекомендует публикацию итогов диссертаций, и в 5-ти монографиях.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на девять параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 372 названия и приложений. Общий объем работы – 326 стр.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, анализируется степень ее научной разработанности, определяются предмет и объект исследования, формулируются цель и задачи работы, ее теоретико-методологические основания, излагаются основные составляющие научной новизны диссертации и положения, выносимые на защиту, определяются теоретическая и практическая значимость, хронологические рамки и источниковая база исследования, а также отмечаются апробация результатов исследования и структура работы.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования неинституированного политического процесса» посвящена определению теоретических оснований, концептуальному осмыслению неинституированного политического процесса.

В первом параграфе «Неинституированный политический процесс: сущность, особенности» исследуются воззрения зарубежных и российских ученых по вопросам политического процесса, его теоретических основ, понятия и содержания, выделяются модели политического процесса, формулируется авторское определение неинституированного политического процесса.

В диссертации отмечается, что в любом современном обществе политические решения принимаются в рамках политического процесса, в котором задействованы самые различные процедуры и самые различные институты и/или акторы, как формальные, так и неформальные. Автор выделяет две модели политического процесса: потоковую и традиционную, стадийную. В потоковой модели политический процесс рассматривается как череда событий, которые оказывают влияние на выработку политического курса; в стадийной модели политический процесс изображается как совокупность последовательно сменяющих друг друга форм активности (стадий), необходимых для формирования политического курса.

Стадийные модели, а также множество комбинированных моделей, совмещающих в себе положения стадийных и потоковых моделей, отводят особое место артикуляции интересов и реализации политического курса. Именно поэтому параметры этих субпроцессов, как считает автор, могут служить

базовыми критериями для разведения институированных и неинституированных политических процессов. Неконвенциональное политическое участие и неформальная практика распределения политических благ придают тому или иному процессу неинституированную форму.

Придерживаясь стадияльной модели, диссертант определяет неинституированный процесс как разновидность политического процесса, при которой артикуляция интересов и распределение политических благ осуществляется в основном без посредничества институтов, а именно через неконвенциональное политическое участие и неформальную практику распределения политических благ соответственно.

Автор отмечает, что неинституированный политический процесс характерен для самых различных политических систем, являясь своеобразным антиподом публичного, институированного процесса. Неинституированный процесс отличается от институированного второстепенной ролью посреднических механизмов в виде организаций, процедур, норм и правил, что наиболее отчетливо заметно на стадии артикуляции интересов и стадии осуществления политического курса. При неинституированном процессе на первый план выходят неконвенциональное политическое участие и неформальная система распределения политических благ. Все эти параметры делают неинституированный процесс крайне конфликтогенным феноменом, проявляющимся на всех уровнях, в том числе и на регионально-локальном со своей местной спецификой.

Во втором параграфе «Конфликтологическое измерение неинституированных политических процессов» автор отмечает, что неинституированный политический процесс обостряет существующие социально-политические разногласия.

Конфликтогенность неинституированного процесса еще выше, если он развивается в полиэтничном политическом пространстве, где он часто влечет за собой иерархизацию этнонациональной структуры и трансформацию в общественном дискурсе социальных проблем в национальные, ведя к этнизации политики или политизации этничности, к крайне конфликтогенным, по своей сути, социально-политическим процессам, дестабилизирующим политическое пространство всего государства.

Диссертант выделяет возрастающую роль и значение внутренних конфликтов как фактора дестабилизации межнациональных отношений. Государство, отмечает автор, оказалось бессильным в использовании своих легитимных механизмов для оперативного разрешения конфликтов возникающих на национальной почве. Некоторые из таких конфликтов начинают приобретать характер постоянного очага неразрешимых споров, «оттягивая» на себя внимание, вместо решения насущных социальных проблем территории.

В типологии политических конфликтов этнополитические относятся к внутренним. Но северокавказская ситуация и здесь имеет свои особенности. В частности, как отмечает автор, некоторые местные этносы имеют достаточно

обширную диаспору за границей, которая время от времени оказывает как финансовую, так и идеологическую поддержку своим соплеменникам в России. На этом фоне возникает закономерный вопрос: можно ли в такой ситуации считать выступления того или другого этноса внутренним конфликтом? Горизонтальный этнополитический конфликт, например, при смене неудобных лидеров или правящей элиты, получает дополнительную подпитку извне, создавая уверенность в победе внутренним носителям идеи. Такого рода конфликт институционализирован и запрограммирован и нацелен на назначение досрочных выборов, выражение вотума недоверия к правительству и пр.

Вертикальный этнополитический режим в своем статусно-ролевом и режимном подвидах мало отличается от политического: здесь также преследуются цели повышения личного и группового статуса в политической структуре общества. В качестве примера можно привести конфликты между центром и регионами в современной России, между правящей и оппозиционной элитами, возникающие в рамках существующей политической системы и др. Иногда такие конфликты не имеют реального объекта и являются самоцелью. Подобный конфликт, как правило, провоцируют политические элиты либо для того, чтобы лишний раз напомнить о себе, либо для того, чтобы отвлечь внимание общественности от насущных политических проблем, которые они не могут или не хотят решать.

Режимных же конфликтов, подразумевающих свержение существующего политического строя или радикального изменения политического курса на Северном Кавказе, по мнению автора, нет. Даже в период перестройки, когда большинство жителей региона голосовало за сохранение социалистического строя, режимный конфликт не назрел. Оставаясь и далее в «красном поясе», регион в целом, тем не менее, никогда не шел на конфронтацию со спонтанно возникающими в процессе реформаторского пыла нововведениями во властных структурах.

По мнению автора, в наиболее экстремальной форме факторы восприятия в конфликте проявляются на уровне массового сознания. В значительной степени они создаются политической элитой через СМИ, которая все в большей мере использует СМИ в качестве инструмента для достижения определенных целей. Для конфликтного восприятия характерна, прежде всего стереотипизация, которая выполняет функцию «быстрой настройки», толкая на немедленные действия. Причем в конфликте настройка осуществляется в одном направлении – нацеленность на победу. Появляется ряд факторов, затрудняющих поиск согласия.

Один из феноменов, как отмечает диссертант, это упрощение или примитивизация фактов, игра с информацией, которая нацеливает на ограниченное восприятие и сужение до рамок «свой – чужой», «победа или смерть», «мы – они» и т. д. Другие аргументы не воспринимаются, либо интерпретируются в необходимом контексте. По мере развития кризиса, «дихотомия» конфликтного восприятия обостряется. Стороны убеждаются в том,

что точек расхождения гораздо больше, чем точек соприкосновения: конфликт окрашивается в черно-белые тона. Это ведет к его углублению и затягиванию конфликта.

Другой феномен, получивший название «приписывающие искажения», еще более обостряет недопонимание сторон, поскольку он объясняет любые поступки противоположной стороны злым умыслом. Он формирует образ врага, а собственное поведение сторонами конфликта воспринимается как исключительно праведное. Происходит обесчеловечивание поступков противника.

Как следствие дихотомии – восприятия сторон в конфликте приобретают диаметрально противоположный характер, с ярко выраженными отрицательными характеристиками. Зеркальность восприятия ограничивает поиск рациональных моделей поведения. «Зеркальность» образов у конфликтующих сторон дополняется гипертрофированным восприятием своей ситуации, а действия противоположной стороны истолковываются как угроза. Нередко это является пусковым механизмом для перехода конфликта в вооруженное противостояние. Обычное оправдание – «у нас не было другого пути» и т. д.

Еще один феномен состоит в том, что на каком-то этапе участники конфликта начинают полагать, будто дружественные им стороны имеют с ними больше общего, чем это есть на самом деле.

Перечисленные выше явления повышают групповую солидарность и формируют групповую идентичность. У конфликтующих сторон вырабатываются общие нормы, регламентирующие их взаимодействие, схожие эмоциональные реакции, стереотипы, восприятие, устремления и суждения.

Резюмируя, автор отмечает, что в многонациональной среде неразрешенность социальных проблем создает не только трудности для экономического развития региона, но и грозит перерастанием в этнополитические конфликты. Иначе говоря, основой межнациональных конфликтов является неудовлетворенность политических элит тем положением, которое они занимают. Отсюда их стремление перераспределить властные полномочия в свою пользу, инициируя и проводя «национальные революции». В итоге стремление элит к завоеванию власти становится реальным фактором этнополитической напряженности.

По наблюдениям автора, наиболее часто возникающие межнациональные конфликты вызревают, в том числе на почве неосведомленности его участников не только о культуре, но и истории оппонентов. Создается впечатление, что слабость культурологического образования, отсутствие объективных исследований истории народов, незнание традиций ислама, христианства и других религий создают для недобросовестного руководства полиэтнической республикой условия обходить интересы населения и вплотную заниматься лишь своими собственными. Как уже отмечалось, этнизация конфликта выгодна и экономистам, и политикам, и чиновникам, поскольку переключает внимание населения с социальных проблем на национальные, уводит поиск «врага» в другое поле. В силу этого повышение культурологической и религиозной

грамотности в полиэтническом регионе можно считать одним из действенных механизмов урегулирования части конфликтов.

Следует признать ошибочными и опасными попытки решить этнополитические конфликты с помощью силы или угрозы ее применения и навсегда положить им конец. Но не менее ошибочным можно считать и покорное, бездеятельное наблюдение за развитием этнополитических конфликтов. Более корректным, а главное более продуктивным, следует признать и всячески поощрять попытки прогнозировать, своевременно выявлять и управлять этнополитическими конфликтами с целью направления их мощной, взрывного характера энергии в конструктивное русло, а также предотвращения их эскалации.

Учитывая, что т.н. кадровый паритет, принятый в Карачаево-Черкесии, Дагестане и других республиках Северного Кавказа, значительно смягчает иерархизацию этнонациональной структуры республики, подтверждается и наблюдение ученых о том, что в таких обществах конфликты возникают довольно часто и даже постоянно, но длятся они недолго, имеют цивилизованный характер и благоприятствуют саморегуляции, саморазвитию и самоусовершенствованию общества и его этнонациональных общностей.

Однако проведенное автором исследование не во всем подтверждает утверждение о том, что развитие этнополитических конфликтов носит вариативный и альтернативный характер, что открывает реальные возможности, с одной стороны, их менеджмента, предотвращения эскалации и урегулирования, а с другой – не исключает возможностей их провоцирования, искусственной пролонгации и эскалации.

В третьем параграфе «Регионально-локальное измерение неинституированных политических процессов» автор отмечает, что северокавказский макрорегион является лучшей моделью для исследования неинституированного политического процесса. Политический процесс может быть назван неинституированным, если, по крайней мере, стадии артикуляции интересов и осуществления политического курса будут характеризоваться двумя особенностями: первая – преобладанием неконвенционального политического участия (политического протеста), а вторая – преобладанием неформальной системы распределения политических благ (политического клиентелизма). Протест и клиентелизм объединяет то, что они игнорируют посредническую роль институтов, приводящих в движение политический механизм в любой демократической системе. Как следствие, такой политический процесс, во-первых, отличается повышенной конфликтностью, и, во-вторых, именно на локально-региональном уровне он находит наиболее благоприятные условия для своего развития.

Как уже выше отмечалось, наиболее благоприятные условия для развития неинституированных политических процессов складываются на уровне регионов, для которых характерен дефицит политических ресурсов. Северный Кавказ, являясь частью более обширного политического пространства со своей

спецификой политической организации, можно классифицировать как политический регион, характеризующийся дефицитом политических ресурсов и, следовательно, обладающий потенциалом для динамики неинституированного политического процесса.

Понимание региона как отдельной политической структуры невозможно без теоретической разработки этнополитических аспектов региона, что требует тщательного анализа не только процессов взаимодействия этнических элит и этнического представительства во власти, но и традиционных культур этнических общностей, представленных в регионе. Актуальность этнополитических аспектов региональной политики возрастает в условиях глобализации, поскольку риски глобализации в настоящее время реализуются в России преимущественно в сфере политических отношений.

Культура, экономика и политика северокавказского макрорегиона имеют свои специфические формы реагирования на пространство и реализуются в нем на основе этноконфессиональной самоорганизации и дифференциации общества.

Как отмечает диссертант, территориальные общности на Северном Кавказе сравнительно невелики, но чрезвычайно сплочены и потому их самосознание отчетливо выражено, что в свою очередь является одним из условий протекания неинституированного политического процесса. Большую роль в этом играет историческая память, как основа для политической мобилизации граждан. Потенцируется это стремление желанием сохранения культурной идентичности и своеобразия, а также исторически сложившихся каналов взаимодействия в процессах выживания в нестабильном политическом пространстве. Местный патриотизм здесь является мощным стимулом консолидации, как перед лицом «общего врага», так и в периоды локальных противостояний, в борьбе за власть и ресурсы. В то же время необходимо отметить, что дети, родившиеся в конце 90-х гг. XX в. и не получившие «прививку» гражданственности, патриотизма, а, напротив, росшие в атмосфере нетерпимости, противопоставления на «наших» и «не наших», становятся активными участниками социальных и политических процессов на региональном уровне, используются в борьбе элитных групп по изменению расклада сил.

Как известно, в современном мире практически во всех государствах практикуется экономическая регионализация, которая чаще всего инициируется органами центральной государственной власти в целях хозяйственной специализации районов. Такая региональная экономическая специализация традиционно опирается на историческую, природную, географическую, демографическую и иную специфику. В результате субъект экономической региональной специализации становится субъектом политической регионализации. Политический регион, выступающий как область политического пространства, становится субъектом политической регионализации и отличается от соседних регионов спецификой политической организации или каким-либо политическим интересом. При таком раскладе регион становится субъектом принятия политических решений и фактором политического давления, с

отличными от государства способами и функциями. В то же время регион является субъектом самоуправления. К особенностям политической организации республик Северного Кавказа диссертант относит, прежде всего, особенности политической стратификации, где, например, роль «возбудителя», регулятора и «гасителя» конфликта чаще всего выполняет этническая элита, меньше или вовсе не проявляющая себя в политических процессах других, мононациональных регионах. Элита, в числе прочего, вполне может вмешиваться в институционализацию политического региона (в частности, в административно-территориальное деление), тем самым несколько меняя параметры политического пространства на основе его самоорганизации по признакам национального самосознания. От того время от времени на Северном Кавказе возникают движения под лозунгом национального самоопределения. Однако и в России, стремящейся к интеграции в Европейское сообщество, все чаще возникают сомнения, поддержанные, прежде всего, именно национальным самосознанием и тревогой за будущее одной из великих культур земли.

Этнополитический аспект региональной политики в современных условиях тесно связан с понятием локального (регионального) конфликта. Для конфликтов на Северном Кавказе характерна локальность ввиду того, что конфликтные отношения здесь ограничиваются определенным, часто очень небольшим по территории местом проявления. В то же время необходимо оговориться, что каждый этнонациональный конфликт, разворачивающийся здесь, как правило, на определенной территории, оказывает существенное влияние на социальные процессы сопредельных территорий (национальные районы), а некоторые из этих конфликтов выходят и за пределы республики, и региона. Причины таких конфликтов могут лежать за пределами тех мест, где они происходят, и в подобных случаях эти конфликты выступают своеобразными отголосками конфликтных событий более крупного масштаба. Локальными в этом смысле можно назвать конфликты, происходящие на территории государственного образования, пережившей состояние гражданской войны или радикальных реформ, принципиально изменивших социальное положение того или другого этноса. И это грозит эскалацией конфликта и в будущем.

Локальные конфликты, однако, могут иметь лишь социальное содержание. Возникая в разных локальных точках определенной территории, они могут отражать нарастание социального взрыва более общего характера, конфликта, способного затронуть общество в целом, привести к масштабному социальному противостоянию. По существу, локальными можно считать конфликты, по преимуществу ограниченные в пространственном, временном или смысловом отношении. Ограниченность в каком-либо отношении – видовой признак локального конфликта.

Региональный конфликт имеет особенности. Мы уже отмечали выше значительно усилившуюся взаимосвязь между захватившей современное общество глобализацией и все возрастающим значением регионов, которое затрагивает все сферы общественной жизни. В региональных конфликтах

отражаются региональные особенности и специфика, которые проявляется в особенностях трудовой деятельности, бытового уклада, в том числе способе проведения досуга, в господствующем мировоззрении людей, которое сформировалось в результате длительной жизнедеятельности людей на определенной территории, а также закрепившиеся культурные традиции и общий менталитет. Отличительные, уникальные особенности региона определяют специфику региональной конфликтности. Регион всегда представляет собой часть целого. Именно так мы и употребляем это понятие. Если есть регион, значит, есть, или, по крайней мере, подразумевается центр, по отношению к которому данное понятие имеет смысл и наполняется конкретным содержанием.

Вторая глава «Элита, социальное недовольство и политическая лояльность в контексте неинституированного политического процесса» посвящена рассмотрению особенностей неинституированного политического процесса через призму участников и факторов, определяющих его специфику.

В первом параграфе второй главы «Роль элиты в неинституированном политическом процессе» автор выделяет в качестве доминирующего, а порой и единственного актора политического процесса этническую элиту, разделяющую идеи этноцентризма, что, в свою очередь, влияет на весь политический процесс, который вращается в основном вокруг защиты прав местных сообществ и финансово-экономических интересов (следствие нехватки экономических ресурсов).

Под этнической элитой понимается не совокупность элитных групп определенного этноса, а особая элитная группа, для которой характерна специализация на оформлении, представительстве и защите интересов, позиционируемых в качестве этнических интересов. К этой группе принадлежат главным образом этнически ориентированные представители творческой интеллигенции, ученые (как правило, гуманитарии), некоторые партийные активисты, руководители этнических некоммерческих организаций. Ее роль особенно велика в периоды социально-политических трансформаций, связанных с переделом собственности и влияния.

В условиях межэтнической конкуренции наблюдается раздвоение функций политической элиты и развитие клановой формы клиентелизма. Традиционные, явные функции дополнились латентными, недеклалируемыми функциями, приобретшими приоритетное значение. Политические разногласия на Северном Кавказе имеют ярко выраженную специфику, главным элементом которой является высокий уровень этнизации. Все конфликты в политической сфере воспринимались общественным мнением в той или иной степени как вызванные определенными этническими группами или используемые этими группами в своих собственных целях. Борьба в экономической сфере, борьба политических элит за власть рассматривается через призму интересов элит местных сообществ.

Северокавказские элиты активно реализуют так называемые латентные, то есть не декларируемые функции. Без реализации этих функций государственное управление в современной России невозможно. Латентные функции являются

производными от деятельности элит по согласованию интересов политических акторов на локальном уровне, – с одной стороны, и, с другой стороны – от их деятельности, направленной на лоббирование собственного (подчас узкогруппового) интереса на федеральном уровне. Латентные функции региональных элит в силу того, что они не регулируются законом и не контролируются никакими социальными институтами, могут порождать трудно управляемые социальные, в том числе политические процессы, блокирующие, в свою очередь, эффективную реализацию официально декларируемых и определенных законом функций органов государственной власти.

Латентные функции региональных элит, однако, не всегда имеют самостоятельный характер. Как правило, они проявляются в деятельности элиты при выполнении четко определенных законом полномочий. Это происходит потому, что содержание деятельности по реализации властных полномочий, качественно трудно зафиксировать, и поэтому оно не определено исчерпывающим образом в законодательных актах. Этнический фактор в республиках Северного Кавказа используется элитой как один из ресурсов власти и один из инструментов политического давления на федеральные органы власти.

Геостратегические притязания местных элит дестабилизируют политическую ситуацию. В работе отмечается, что часть традиционной и часть контрэлиты используют властные ресурсы в своих собственных интересах, зачастую в политических, дабы не утратить политическое влияние и власть, развивалась клановость, монополизация власти, концентрация капиталов в руках лидера, применение физических способов воздействия, насилие, установление прямого контроля над информацией и владение средствами массовой информации, использование широкого спектра «грязных» технологий манипулирования сознанием, все способы устранения конкурентов, запрет на конструктивную критику, отсутствие аналитиков-профессионалов, подавление интереса к политической активности граждан, преобладающая роль номенклатурного аппарата в политической жизни, развитие неформальных иерархий, сетей, кланов, замкнутость политической элиты, круговая порука, коррупция, распространение личных связей и личного влияния в формальных организациях и отношениях, жесткие барьеры на пути к власти. Все данные позиции являются иллюстрацией специфики протекания неинституционального политического процесса.

Автор отмечает, что при неинституциональном политическом процессе именно элита демонстрирует торжество прагматичности, свободно переходя от состояния ксенофобии до безудержного космополитизма и обратно. Фиксируется, что в Северо-Кавказском макрорегионе формируется новый вид элиты, для которого типичен симбиоз этничности и рационализма. Анациональные функции элит становятся все более очевидными, а их действия – все более дисфункциональными.

Обострения этнополитической ситуации и конфликты в транзитных обществах, к которым относится российское, по мнению автора, достаточно часто провоцируются элитами, стремящимися к переделу сфер влияния. Политический

транзит с его нестабильностью отношений власти, а также готовность больших по численности групп поддержать требования элит создают для этого благоприятные условия. Возникающие в полиэтничном политическом пространстве не решаются до тех пор, пока они остаются вне публичного поля, т. е. не оглашены, не востребованы и не способны влиять на принимаемые властными органами решения.

Автор исследует особенности и определяющие функции власти и элиты в процессах, протекавших на политическом поле полиэтничного региона, в течение последних десятилетий XX и начала XXI вв. Для объективизации подхода к анализу автор использует, как результаты экспертного опроса, проведенного в ходе подготовки диссертации, так и результаты вторичного анализа социологических исследований.

Толчком к проведению такого рода исследований послужило предположение о том, что именно власть является одним из источников регионального конфликта, от власти в значительной степени зависит социально-экономическое положение республики и ее граждан. Политическая стабильность в обществе в полной мере определяется качеством власти, ее целями и методами работы.

Результаты проведенного автором экспертного опроса позволяют сделать вывод, что в общественном представлении высший слой политической элиты, в лице исполнительной и законодательной власти, не ощущает никаких обязательств по отношению к населению. Главным мотивом своей деятельности, по мнению опрошенных, является решение кадровых проблем, лоббирование своих интересов при составлении бюджета республики, вопросы дотаций, которые исчезают, не дойдя до адресата. Кроме того, многие уверены, что существующая правовая база, не давая необходимых гарантий собственникам (в том числе и элите), толкает на правонарушения, позволяя стать собственником криминальным путем.

На основе проведенного анализа автор выделяет следующие характеристики элиты субъектов РФ Северного Кавказа: политическая элита сформировалась из прослоек советской партийно-хозяйственной номенклатуры, общественных деятелей национальных движений, предпринимателей, представителей криминального бизнеса; становление элиты происходило и в настоящее время происходит бессистемно, зачастую процесс приобретает стихийный характер. Руководящий принцип – необходимо оказаться «в нужном месте, в нужное время, обладая определенными финансовыми возможностями»; для региона характерен клановый тип как политической, так и экономической элиты, основанный на личных и родственных связях и отстаивающий интересы клана. В борьбе за власть кланы часто вступают в борьбу друг с другом; укреплению региональных элит способствовали экономический, социальный, духовный кризис российского общества. Местные элиты в период 90-х годов XX в. максимально дистанцировались от федерального центра и его политики и демонстрируют способность решать проблемы социально-политической стабильности самостоятельно, используя, как правило, авторитарные методы; для региональных

элит характерна авторитарно-патриархальная культура, являющаяся препятствием на пути модернизации как самих элит, так и населения, для части которого республиканская (краевая) элита является рефрентной группой.

Изучение влияния власти и элит на политическую и этнополитическую ситуацию позволило автору диссертации сделать ряд выводов:

– на Северном Кавказе в результате высокой представленности среди управленцев новейшего периода представителей советской номенклатуры, стиль и методы работы исполнительной и законодательной власти в 90-е гг. XX в. оставались в основном прежними, поэтому уместно говорить не о трансформации власти в полном смысле, а об изменениях отношений региональной власти и центральной, об изменении взаимоотношений государственной власти и хозяйственников. Менялся характер взаимосвязи политической и экономической жизни в сторону их относительной автономности. Сформировалась относительная независимость субъектов хозяйственной деятельности от государственных структур власти (республиканских, городских, районных и т.д.);

– для региона актуально выделение такой элитной группы, как этническая элита. Под этнической элитой понимается не совокупность элитных групп определенного этноса, а особую элитную группу, для которой характерна специализация на оформлении, представительстве и защите интересов, позиционируемых в качестве этнических интересов. К этой группе принадлежат главным образом этнически ориентированные представители творческой интеллигенции, ученые (как правило, гуманитарии), некоторые партийные активисты, руководители этнических некоммерческих организаций. Данная элитная группа идеологически обеспечивает интересы политической и экономической элит. Ее роль особенно велика в периоды социально-политических трансформаций, связанных с переделом собственности и влияния;

– политические конфликты на Северном Кавказе обладают явно выраженной спецификой, главным элементом которой является высокий уровень этнизации. Данная специфика проявляется в том числе, через проекцию политического процесса, который начинал приобретать разнообразные формы, приводящие к созданию национальных культурных обществ, движений, ассоциаций, землячеств, конгрессов, съездов народов для решения многообразных задач. Активным фактором этнизации политических конфликтов являются зарубежные диаспоры автохтонных этносов Северного Кавказа. Таким образом, «этноконфессиональные процессы становятся сущностным фактором политической жизни региона, определяющим весь ход его общественно-политической жизни. Активизация этноконфессионального фактора обусловила широкое распространение межэтнических и внутриэтнических конфликтов в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Адыгее, Ставропольском и Краснодарском крае и т. д.;

– обострения этнополитической ситуации и конфликты в транзитных обществах, к которым относится российское, достаточно часто провоцируются элитами, стремящимися к переделу сфер влияния. Политический транзит с его

нестабильностью отношений власти, а также готовность больших по численности групп поддержать требования элит создают для этого благоприятные условия. Возникающие в полиэтничном регионе этнополитические проблемы не решаются до тех пор, пока они остаются вне публичного поля, то есть, не оглашены, не востребованы и не способны влиять на принимаемые властными органами решения. Этим определяется взаимосвязь уровня демократии и конфликтной опасности: в демократических обществах существуют лучшие возможности для управления конфликтом, поскольку этнополитические проблемы достаточно быстро переходят в сферу публичной политики. Учитывая чрезвычайно высокую роль власти во всех сферах общественной жизни в России и в регионе, ее роль ответственность в управлении конфликтами высоки. Кризисы в управлении межэтническими отношениями неизбежны для власти, которая не представляет интересы хотя бы основных элитных групп.

Второй параграф «Политические факторы социального недовольства как особенность неинституированного политического процесса» посвящен анализу воздействия социального самочувствия на этнополитические процессы.

Автор отмечает, что одним из катализаторов негативного потенциала неинституированного политического процесса является низкое социальное самочувствие массовых групп населения. При этом уровень жизни нельзя считать главным элементом социального самочувствия. Большое значение в формировании социального самочувствия имеет субъективная оценка человеком, как собственного положения, так и положения группы, с которой он ассоциирует себя. В современных условиях Северного Кавказа такой группой обычно является этническая общность. Глобализация привела к росту ожиданий населения, поскольку она приблизила в социальном смысле и сделала достижимыми стандарты потребления экономически развитых стран.

Несоответствие растущих ожиданий населения и ресурсных возможностей удовлетворения этих ожиданий на Северном Кавказе является чрезвычайно острым и определяет высокий уровень социальной депривации. Конкретные формы протеста населения сами по себе являются лишь реализацией накопившегося социального недовольства, однако практическое осуществление протестной активности сопряжено с обязательным наличием достаточно развитых политических субъектов, например, оппозиции в лице национальных общественных движений. Принимая во внимание степень влияния элит, как на население субъектов РФ, так и на властные структуры, необходимо формировать такую систему взаимодействия этих структур и центральной власти, которая бы направляла деятельность элит на улучшение социального самочувствия населения.

По мнению диссертанта, даже в условиях относительного социального благополучия массовых социальных групп существуют условия для конфликтных проявлений в этнической сфере, поскольку сохраняется существенная диспропорция между большинством населения и наиболее обеспеченными слоями. Эта ситуация воспринимается как несправедливая, особенно в случаях,

когда представители обеспеченных групп позволяют себе демонстративно пренебрежительное отношение к другим людям (наглядное нарушение законов или общепринятых норм поведения). Принадлежность представителей такой группы одновременно к «иным» канализирует протестные настроения в русло ксенофобии. В случае использования подобных ситуаций элитами проблема приобретает деструктивный характер. В данном случае мы можем говорить о негативном потенциале, проявляющемся в разворачивании неинституционального политического процесса.

В качестве наиболее вероятного направления развития конфликтов в регионе в случае ухудшения социально-экономической ситуации автор выделяет конфронтацию по линии «население – власть». Достаточно высока вероятность выступлений, направленных против власти даже в том случае, если конфликт начался в другой сфере (экономические или этнические отношения). Рост конфликтного потенциала в значительной степени определяется усилением в условиях социально-экономического кризиса депривации массовых социальных групп. Усиление чувства несправедливости происходящего как лично с собой, так и со своей этнической общностью провоцируется ухудшением экономической ситуации, но затем становится относительно автономным процессом.

Автор отмечает, что взаимосвязь социального самочувствия и неинституированного процесса является достаточно сложной. Даже в условиях относительного социального благополучия сфера «свой»/«чужой» отношений остается потенциально конфликтоопасной. Позитивная оценка собственной жизненной ситуации может сочетаться у человека с депривацией, вызванной его оценкой состояния ближайшего социального окружения или «своего народа в целом». При этом сохраняется возможность сознательного направления заинтересованными в дестабилизации политическими силами протестных настроений в русло межэтнических отношений.

В третьем параграфе «Политическая лояльность в рамках неинституированного политического процесса» автор анализирует такой аспект проблемы, как отношение к власти со стороны этносов республики, которое всегда отличалось высокой степенью сложности и динамичности.

Неинституированный политический процесс в полиэтничных пространствах деформирует механизм формирования политической лояльности. В обычных условиях уровень политической лояльности к элите коррелирует с уровнем ее эффективности. В определенных условиях эта корреляция разрушается, приводя к тому, что эффективность утрачивает главенствующую роль в конструировании вертикальных политических отношений. На Северном Кавказе главным фактором, деформирующим механизм формирования политической лояльности, оказывается гиперболизированная этническая идентичность и распространенность идей этноцентризма.

На основе проведенного автором исследования было установлено, что часть этносов обвиняет исполнительную и законодательную власть в игнорировании интересов малочисленных народов в избирательной системе (черкесы, абазины);

требует от власти осуществить политическую реабилитацию своего народа (карачаевцы); выражает недовольство кадровой политикой власти (преимущественно русские). При этом существующие у представителей каждого этноса проблемы объяснялись массовым сознанием именно этническим фактором, т. е. целенаправленно негативным отношением власти к данному этносу. Таким образом, отношение к власти было встроено в систему этнической идентификации.

Исследование этнической идентификации и самоидентификации как фактора политической напряженности позволило автору сформулировать ряд выводов.

Этническая самоидентификация является важным фактором политической напряженности в современных условиях Северного Кавказа. Как процесс, так и результат этнической самоидентификации испытывают сильное влияние глобализации: повышается как значимость этнической принадлежности человека и группы, так и уровень позитивного восприятия «своей» этнической общности. При этом этническая самоидентификация в регионе тесно связана с «этнической территорией». Все политические процессы в регионе необходимо рассматривать с учетом этнического фактора, поскольку автохтонные этносы сохраняют память о субъективно понимаемых границах своей «исторической родины». Символическое значение понятия «исторической родины» в регионе чрезвычайно велико. Эффективной этнополитической стратегией в такой ситуации становится поиск вариантов взаимного удовлетворения территориальных интересов этнических общностей и государственных образований (республик, краев), например, так, как это произошло в Карачаево-Черкесии с созданием новых национальных абазинского и ногайского районов.

Автор отмечает, что элементы системы этнической идентичности в своеобразных социально-политических условиях Северного Кавказа ранжируются по степени значимости в общественном мнении. По убыванию значимости для членов этнических общностей основные элементы этой системы располагаются следующим образом: групповая солидарность (чувство причастности индивида к группе и обязательства по защите индивида группой); общая система позитивных ценностей (включая конфессиональную принадлежность); представление об общем происхождении; принадлежность к общей «родной» территории; язык.

В регионе большую роль в процессах управления этнополитическими конфликтами играют неформальные транснациональные «сети доверия». На Северном Кавказе эти сети довольно часто складываются в «теневой» или криминальной сфере. По мнению автора, при определенных условиях криминальные сообщества укрепляли, хотя и ненадолго, стабильность в районах этнополитического риска. Интернациональный характер неформальных «теневых» институтов определяется как экономическими факторами, так и традицией. К экономическим факторам относятся, например, узкие рамки экономик всех субъектов Федерации на Северном Кавказе. Региональной традицией являются отношения побратимства («куначество») между представителями разных взаимодействующих этнических общностей.

На Северном Кавказе незавершенность политической реабилитации оказывает существенное воздействие на этническую идентификацию: старая травма и передающиеся через историческую память представления о ней компенсаторно активизируют поиск позитивных характеристик идентичности своего ранее репрессированного этноса. Помимо этого, требования полной реабилитации, имеющие в значительной степени символически-психологический характер, воспринимаются как чрезмерные представителями других этносов региона. В конечном итоге это приводит к росту конфликтного потенциала в межэтнических отношениях.

С одной стороны, под влиянием процессов унификации и гомогенизации, с другой, стремясь к консолидации под влиянием санкций, начинается процесс архаизации социальных и политических институтов, возникновение парapolитических институтов. Актуализация архаических черт является защитной реакцией на унификацию национальных различий и выражает потребность человека в причастности к группе. Автор считает, что традиционная культура в полиэтнических и поликультурных пространствах в настоящее время испытывают большие «модернизационные перегрузки», вызывающие дезадаптацию некоторой части населения, что в свою очередь создает условия для социальной и политической дестабилизации политического пространства.

В общественном сознании полиэтнических субъектов РФ Северного Кавказа процесс этнической идентификации связан не только с сохранением атрибутики национальной принадлежности (символически-психологический аспект), но и с политическими процессами, в частности, с процессами суверенизации, оформления государственного устройства (этнополитический аспект). Конфликты в 90-е гг. XX в. в регионе стали формой взаимодействия и способом мышления этнических элит, общественных организаций, интеллигенции и других рефрентных групп. Политический конфликт – наиболее распространенная форма политического процесса в регионе. Практически все типы возникающих здесь конфликтов приобретают этнополитический характер. Политический конфликт рассматривается как форма политической борьбы этнических элит.

В условиях глобализации этническая идентичность существенно актуализируется. Рост этнического самосознания является защитной реакцией на унификацию национальных различий и выражает потребность человека в причастности к группе. Традиционные культуры Северного Кавказа в настоящее время испытывают большие «модернизационные перегрузки», вызывающие дезадаптацию некоторой части представителей этносов региона и создающие условия для повышения конфликтного потенциала.

Резюмируя автор отмечает, что роль государства в современных условиях должна сводиться не столько к подавлению сторон конфликта, сколько к устранению противоречий, ведущих к конфликту. Без научно обоснованных теорий и практик эта проблема не будет решена. Проблемы межэтнических отношений в полиэтническом регионе требует особо пристального внимания на каждом этапе исторического развития республики, а также понимания, что

урегулирование конфликта предполагает комплексное решение как этнонациональных, так и этнополитических, правовых, социальных вопросов, активной работы с общественным сознанием. Позитивную роль в этом сыграло бы вмешательство третьей стороны в лице государственных структур России, общественных организаций.

Третья глава «Политическая дезинтеграция и интеграция как векторы неинституированного политического процесса» посвящена анализу процессов дезинтеграции и интеграции политического пространства, которые проявляются на разных уровнях, но наиболее очевидные из них – на межрегиональном (внутри российского государства) и внутрирегиональном (например, деятельность этнических движений на Северном Кавказе, призывающих к политической локализации и сепаратизму).

В первом параграфе «Дезинтеграционный вектор неинституированного политического процесса» автор отмечает, что определенная часть политической активности, входящей в область неинституированного политического процесса, ведется в русле дезинтеграционного вектора. Многие силы в регионе предпринимают попытки радикального перераспределения властных ресурсов и делегитимизации традиционных элит, игнорируя возможные негативные последствия, а зачастую и прямо призывая к дестабилизации политической ситуации. Среди ключевых политических факторов, влияющих на дезинтеграционные процессы на уровне локального политического пространства, диссертант выделяет: отсутствие эффективной политической стратегии федерального центра, предусматривающей деятельность по интеграции частных сообществ в российское политическое пространство; недооценка в практической деятельности органов федеральной государственной власти т.н. субъективных, т.е. относящихся к сфере духовной культуры, мотивов ключевых акторов политических процессов; высокий конфликтный потенциал стремления к доминированию в субъектах РФ местных элит.

Далее отмечает автор, что неинституированный политический процесс одним из векторов имеет политическую дезинтеграцию. В работе обосновывается тезис о том, что дезинтеграции региона способствовала деятельность некоторой части местной интеллигенции. Процессы глобализации в форме унификации этнических особенностей провоцировали депривацию этнических элит и вызывали в массовом сознании рост архаических настроений. По мнению автора, при анализе дезинтеграционных процессов нужно также учитывать следующие факторы: экономические сложности; социальные проблемы, приводящие к радикализации общественных настроений; активность потока мигрантов; снижение доверия к общероссийским и международным институтам из-за их неспособности эффективно содействовать урегулированию региональных конфликтов.

Диссертант отмечает, что дезинтеграционные процессы в полиэтничном обществе Северного Кавказа, учитывая геополитическую значимость региона, проявляются в виде этнополитической иерархизации. Большую роль в

дезинтеграционных процессах, по мнению автора, играет эндогамная и экзогамная делегитимизация руководящих элит. Низкая легитимность элиты морально компенсируется развитием внутри региона сетей или коопераций отдельных этносов, которые используют в качестве инструментов влияние и авторитет международных организаций, диаспор для разрешения межэтнических и социальных противоречий. Попытка заново запустить интеграционный процесс обусловлена актуализацией накопленного опыта в процессе длительного периода истории мирного сосуществования этносов на основе их общих геоэкономических и геополитических целей.

Политическая элита, в силу своего положения и возложенной на нее миссии, старается поддержать мирные инициативы и политическую стабильность, при которой гарантируется ей руководящее положение. Хотя, в редких случаях, правящая прослойка может быть заинтересованной в культивировании национальной идеи для обеспечения направления к политическому суверенитету.

На государственном уровне немаловажное значение имеют ментальные структуры, проявляющиеся в комплексах или синдромах, но еще большую роль они имеют на региональном уровне, в частности на Северном Кавказе, где очень сильна инерция традиционализма. Политические процессы на Северном Кавказе невозможно правильно оценить, если не учитывать психологические особенности и факторы местных народов. Неправильное понимание этих факторов может повлиять на формы и способы политической жизни, а иногда даже может определять их, обуславливая деятельность политических элит и народов элиты.

Кроме выше перечисленных, при анализе дезинтеграционных процессов на Северном Кавказе также следует учитывать следующие факторы: экономические сложности переходного периода; социальные проблемы, приводящие к радикализации общественных настроений; активность потока мигрантов (в том числе возвращающихся в регион); снижение доверия к общероссийским и международным институтам, из-за их неспособности эффективно содействовать урегулированию региональных конфликтов.

Все эти факторы тесно переплетаются в системе внутригосударственных и межэтнических отношений в регионе Северного Кавказа. Внутренние социально-экономические трудности, а также политическая нестабильность и страх перед неопределенностью, способствуют росту миграционных настроений в этом регионе и отток населения в центральные области России, а оттуда – в Восточную и Западную Европу.

В результате исследования факторов политической дезинтеграции Северного Кавказа автор пришел к некоторым выводам.

Ключевыми дезинтегрирующими политическими факторами в регионе, являются: отсутствие целенаправленной этнополитической стратегии федерального центра, предусматривающей деятельность по интеграции региона в российское политическое пространство; недооценка в практической деятельности органов федеральной государственной власти т.н. субъективных, т. е. относящихся к сфере духовной культуры мотивов важных акторов

этнополитических процессов; высокий конфликтный потенциал стремления к доминированию в субъектах РФ этнических элит. На дезинтеграционные процессы на Северном Кавказе влияют в первую очередь внутрироссийские и региональные факторы. Так, на протяжении 1990-х гг. дезинтеграции региона способствовала деятельность некоторой части этнической интеллигенции, выступившей за приоритет развития этнической культуры и за обеспечение такого развития путем создания собственной национальной государственности. В то же время, процессы глобализации в форме унификации этнических особенностей провоцировали депривацию этнических элит и вызывали в массовом сознании рост настроений в защиту этничности.

Автор также отмечает, что этническая идентичность в регионе имеет высокий дезинтеграционный потенциал и выделяет ряд присущих ей характеристик:

- важность пространственно-временного восприятия социума по линии «крови и почвы», где идентичность по «крови» определена через принадлежность к конкретному роду, этносу и далее – кругу родственных народов, а идентичность по «почве» – через принадлежность к определенной территории;

- неполнота реализованности государственной идентичности в результате отсутствия суверенной национальной государственности;

- актуальность религиозной идентичности как компонента этнической (принадлежность к определенной конфессии, воспринимаемая в массовом сознании как атрибут этничности).

Диссертант акцентирует внимание и на таком относительно новом для региона явлении, как субкультурная дезинтеграция, которая является элементом дезинтеграции политического пространства, поскольку, во-первых, для ряда субкультур характерно деструктивное и агрессивное поведение в социуме; во-вторых, представители субкультур дифференцированы в обществе, в том числе, по их политическим взглядам, или по отказу от какой-либо политической активности. Субкультуры, в первую очередь молодежные, активно развиваются на Северном Кавказе в течение последнего десятилетия, что стало возможным в результате социальной модернизации.

Второй параграф «Интеграционный вектор неинституированного политического процесса» посвящен исследованию проблем реинтеграции политического пространства Северного Кавказа.

Автор диссертационного исследования полагает, что изучение проблем реинтеграции политического пространства позволяет выработать некоторые подходы в теоретическом анализе процессов этнополитической интеграции во внутренней геополитике России. Изложенный в диссертационном исследовании материал свидетельствует о наличии специфики структурирования политического пространства на территории, традиционно населяемой разными этносами, разной конфессиональной принадлежности – Северный Кавказ. Задачей настоящего параграфа является раскрытие этнополитического аспекта реинтеграции политического пространства на Северном Кавказе.

Попытка заново начать процесс интеграции проявляется в попытках преодолеть структурное безвластие современных межэтнических отношений, этноцентризма, сепаратизма, ксенофобии с помощью культивирования идеи единства общей культуры, менталитета и ценностей, а также общей экономической деятельности. Реинтеграция способствует повышению социальной солидарности различных этнических общностей, а также мирному сосуществованию в едином социо-культурном пространстве.

Политическую реинтеграцию автор определяет как объективный процесс преодоления структурного безвластия в современных межнациональных отношениях, избегания этноцентризма, уничтожения национализма, подавления этнорелигиозного радикализма и ксенофобии с помощью создания и оглашения, усвоения и трансляции общих ценностей, культурных норм, а также повышения интереса и потребности в экономическом сотрудничестве. Диссертант считает, что успешное проведение реинтеграционного проекта приведет к модернизации различных этнических общностей, с различными характеристиками сосуществовать на основе мира и согласия в условиях усиления взаимозависимости и взаимонеобходимости.

Потребность в политической интеграции регионов Северного Кавказа возникла по ряду причин, которые были осознаны народом и правящей элитой. Этими причинами являлись мир, нужда в добрососедстве, которые утратились и привели к трагическим последствиям. Далее следует сказать о необходимости обеспечения безопасности, а также в поддержании всех систем жизнеобеспечения в порядке (энергетических, коммуникационных, продовольственных и т.д.). В разной степени все регионы Северного Кавказа испытывают подобные нужды, отличаются только мотивационной составляющей. У одних регионов – это экономическая мотивация, у других – идеологическая, у третьих – духовная. Геополитический подход и методы при этом могут разниться и противоречить друг другу. Поэтому, обозначая различные геостратегические ориентиры, необходимо одновременно выявлять и детерминированность движущих сил политической дезинтеграции на Северном Кавказе.

Автор отмечает, что специфические политические практики задействованы для поддержания политической активности в русле интеграционного вектора неинституированного политического процесса. В политической интеграции заинтересованы элиты, стремящиеся к открытию новых сфер политической реализации, с вытекающим отсюда распределением властных ресурсов.

Политика центра по отношению к регионам оказывает разнонаправленное влияние на масштабы и содержание неинституированного процесса, разворачиваемого в их административном поле. Независимо от своих форм, будь то диалог или репрессивные акции, такая политика может как сокращать, так и расширять масштабы и содержание неинституированного политического процесса. Российская политика крайне разнообразна, что затрудняет однозначную оценку ее влияния на неинституированный процесс на местах. Однако экспертные опросы показывают, что федеральные решения будут интенсифицировать

неинституированный политических процесс, если они будут связаны с политической градацией местных этносов, «игрой» в «народы-форпосты» и поощрением межэтнических столкновений.

В третьем параграфе «Фактор центра в дезинтеграционных и интеграционных трендах неинституированного политического процесса» автор решает задачу выявления институциональных факторов российской внешней и внутренней политики на Кавказе в связи с этнополитическими вызовами современной эпохи. Необходимость рассмотрения этого вопроса в диссертационной работе возникла в связи с тесной взаимосвязанностью проблем внутренней и внешней политики в данном регионе.

Автор отмечает, что отличительной чертой современной общественно-политической и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе является острый контраст между внешней стабилизацией обстановки, с одной стороны, и существованием значительных социально-экономических, межэтнических и иных противоречий, постоянным стремлением этнических клановых групп закрепить за собой властные прерогативы, влияние и экономические ресурсы в национальных республиках, с другой стороны. Конфликтная ситуация в данном регионе характеризуется единством экономического, этнополитического, этнокультурного факторов, что в течение длительного времени поддерживает социальную напряженность в регионе. Этим определяются, например, постоянно возникающие требования то одного, то другого народа КЧР выделения своей автономии, или государственности одного этноса на геополитическом пространстве Северного Кавказа. Отмечаемая всеми экспертами ситуация «неустойчивой стабильности», казалось бы, должна была повлиять на категоричность выводов экспертов, однако существует и другое мнение о том, что республики Северного Кавказа по-прежнему будут сползать в «серую», слабо проницаемую для федеральной власти «зону» при нарастающем формировании альтернативных общероссийским социальных, духовно-идеологических, политических и иных доминант. Будет продолжаться также формирование внутреннего российского «зарубежья» (Чечня, Дагестан, Ингушетия, некоторые районы Карачаево-Черкесии).

В отношении Карачаево-Черкесской Республики, по наблюдениям автора, мнение о «сползании ее в серую зону» в корне неверно, хотя справедливо мнение о негативной роли СМИ в этих процессах, которые иногда вводят в заблуждение общественность в отношении положительного развития социально-политической и экономической ситуации в республике. Приходится признавать справедливость мнения о том, что проблема сепаратизма вновь обострится, когда будет исчерпан «контракт» федеральных и северокавказских элит, действующий сегодня, когда уменьшатся доходы от продажи природных ресурсов, и если к тому времени не будет сконструирована и закреплена основанная на общегражданских ценностях российская нация, включающая в себя северокавказцев. Свои проблемы, считает автор, принесет на Юг России и начавшийся процесс «укрупнения» субъектов Федерации и соответственно изменения их границ. Неблагоприятный прогноз

развития социально-политической ситуации на Юге России обусловлен также и возможностью преобразования некоторых геополитических факторов, не обладающих в настоящее время ярко выраженным конфликтогенным содержанием, в конфликтогенные. В контексте активизации некоторых внешних факторов, как считает автор, особую значимость приобретает деятельность зарубежных акторов и прозападных сил в стране и регионах, направленная на усиление контроля над добычей и транспортом энергоресурсов в кавказском регионе, продвижение НАТО на Восток, создание «санитарного кордона» вокруг России. Попытки США в еще большей степени усилить собственные позиции на Кавказе будут способствовать сохранению высокого внутреннего потенциала конфликтности на Юге России, подогревая его извне путем провоцирования управляемых конфликтов.

Исследование институциональных факторов российской внутренней и внешней политики на Кавказе позволяет автору предложить ряд выводов.

Дипломатическая деятельность России в целях управления конфликтными ситуациями на Южном Кавказе тесно взаимосвязана с этнополитическими процессами на Северном Кавказе. Наиболее активными акторами политического процесса в данном регионе, помимо России, являются США и Европейский Союз. При этом политику Европейского Союза во многом определяет его глубокая зависимость от поставок российских энергоносителей. Современная этнополитическая ситуация в регионе определяет необходимость активного использования принципа многоуровневой дипломатии («народная» – региональная – общегосударственная), что позволит высвободить ресурсы государства, ориентируя его на решение крупномасштабных задач. Данный принцип активно использовался Россией в отношении Абхазии и Южной Осетии до признания их независимости.

Россия должна стремиться к сохранению многовекторной геостратегической реальности. Мультивекторная геополитическая реальность не только естественна лимитрофному региону, которым и является Кавказ, но и, при надлежащем ее учете в практике, полезна России. Она в целом совпадает с давней интеграционной установкой российской дипломатии, которую она пыталась реализовывать в 1990-е гг. Данный ориентир также отвечает российским национальным интересам. Северный и Южный Кавказ на протяжении более чем двух веков экономически и социокультурно интегрировались в состав России. Эти связи в постсоветский период между отделившимися республиками и Россией существенно ослабли (снижение уровня знания и роли русского языка у новых поколений, а вместе с ним и культурного влияния), но они сохраняются в республиках, вошедших в состав Российской Федерации. И здесь у России большие географические, геополитические, геоэкономические и геокультурные, исторические предпосылки и перспективы для развития интеграции и поддержания стабильности. Однако в контексте процессов формирования глобального порядка многое будет зависеть от субъективного фактора-эффективности этнополитической стратегии Российской Федерации.

На Северном Кавказе конфликтная ситуация характеризуется единством экономических, этнополитических и этнокультурных факторов, что на протяжении длительного времени поддерживает социальную напряженность в регионе. Неблагоприятный прогноз развития социально-политической ситуации на Юге России обусловлен возможностью преобразования некоторых геополитических факторов, не обладающих в настоящее время ярко выраженным конфликтогенным содержанием, в конфликтогенные. В первую очередь к этой группе риска относятся, как показали события 2008 г. в Южной Осетии, внешнеполитические факторы.

Автор отмечает, что ислам и христианство также являются факторами включения региона в глобальные политические процессы. Включение в широкий конфессиональный контекст обуславливает увеличение числа факторов этнополитического регионального процесса. Религиозные институты в регионе действуют только в рамках, определенных российским законодательством, и не стремятся самостоятельно участвовать в каких-либо геополитических преобразованиях.

Резюмируя, автор отмечает, что в последние десятилетия тенденция глобализации мировых процессов повлекла за собой заметные изменения во внутривнутриполитических процессах России, усилив опасения этнических элит по поводу унификации национальных культур и ассимиляции культурами западного образца. Эти угрозы вызвали ответную реакцию, активизировав национальные движения и межэтнические конфликты, создавая угрозу теперь уже целостности российского государства. Особенно остро эти процессы протекают на пространстве Северного Кавказа.

В рамках данного региона важно не допускать перехода неинституированного политического процесса на конфликтное «этнонациональное поле». В этом важна позиция государства, поскольку характер, масштабность и острота этнополитических конфликтов зачастую детерминированы его ролью. Чем более нейтральной оказывается позиция и более миротворческой роль государства в конфликте между этнонациональными общностями (между национальными или этническими меньшинствами, или между ними, или одной из них с доминирующей этнонацией), тем более частыми, но более локальными и мягкими будут этнополитические конфликты и тем больше они будут благоприятствовать укреплению национального единства и территориальной целостности государства. И, напротив, чем откровеннее и активнее государство будет демонстрировать свою благосклонность и поддержку одной из конфликтующих сторон, тем более редкими, но более масштабными, острыми и деструктивными будут этнополитические конфликты, тем более они будут препятствовать достижению национального единства и угрожать территориальной целостности государства. Эта закономерность очень важна для любых многонациональных сообществ, но, прежде всего, для многонациональных субъектов Российской Федерации.

В заключении обобщены результаты исследования, сформулированы основные выводы и намечены перспективы дальнейшего изучения проблемы. В частности автор отмечает, что в диссертационной работе отражены далеко не все аспекты неинституционализованного политического процесса на Северном Кавказе. Это и невозможно, учитывая сложность и масштабность самой проблемы. По мнению автора, перспективы дальнейших исследований могут быть связаны со следующими направлениями: во-первых, необходимо более глубоко проанализировать проблемы реализации принципа федерализма в политических процессах на Северном Кавказе; во-вторых, необходимо разработать механизмы и технологии достижения устойчивого политического процесса в регионе; в-третьих, необходимо предложить модели взаимодействия субъектов институционального и неинституционального политического процесса с соблюдением баланса интересов участвующих сторон в данном процессе.

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

а) статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ:

1. *Эбзеев, А. А.* Конфедерация народов Кавказа: первая структура интеграции на почве панкавказской идеи или первый очаг сепаратизма на Северо-Западном Кавказе? / А. А. Эбзеев // Социально-гуманитарные знания. – 2009. - № 9. – С. 300-303; 0,25 п.л.

2. *Эбзеев, А. А., Шебзухова, Ф. А.* Природа дезинтеграционных и реинтеграционных процессов в политическом пространстве Западного Кавказа / А. А. Эбзеев, Ф. А. Шебзухова // Социально-гуманитарные знания. – 2009. - № 9. – С. 79-88; 0,6 п.л./ 0,3 п.л.

3. *Эбзеев, А. А.* Этнополитическая безопасность в контексте концепции устойчивого развития / А. А. Эбзеев // Социально-гуманитарные знания. – 2009. - № 12. – С. 40-50; 0,6 п.л.

4. *Эбзеев, А. А.* Анациональные дисфункции конфликтов и их политические последствия на Северном Кавказе / А. А. Эбзеев // Вестник Военного университета. – 2009. - № 4. – С. 26-31; 0,3 п.л.

5. *Эбзеев, А. А.* Политическая реинтеграция: методологические и теоретические проблемы / А. А. Эбзеев // Власть. – 2010. - № 2. – С. 68-72; 0,25 п.л.

6. *Эбзеев, А. А.* Политический процесс в традиционном обществе: этноконфликтная проекция / А. А. Эбзеев // Социально-гуманитарные знания. – 2010. - № 7. – С. 73-94; 1,3 п.л.

7. *Эбзеев, А. А.* Этнополитика и регион в условиях глобализации (на примере Северного Кавказа) / А. А. Эбзеев // Социально-гуманитарные знания. – 2010. - № 12. – С. 66-87; 1,3 п.л.

8. *Эбзеев, А. А.* Ментальный фактор мотивации в аспекте дезинтеграционных процессов и этнополитической трансформации Северного Кавказа / А. А. Эбзеев // *Философия права.* – 2010. - № 1. – С. 111-116; 0,3 п.л.

9. *Эбзеев, А. А.* Этнополитическая безопасность в контексте концепции устойчивого развития / А. А. Эбзеев // *Философия права.* – 2010. - № 2. – С. 59-63; 0,25 п.л.

10. *Эбзеев, А. А.* Геостратегия этнических элит региона (на примере северокавказского региона) / А. А. Эбзеев // *Социально-гуманитарные знания.* – 2011. - № 7. – С. 62-75; 1,4 п.л.

11. *Эбзеев, А. А.* Глобализационные факторы политических трансформационных процессов на Северном Кавказе / А. А. Эбзеев // *Социально-гуманитарные знания.* – 2012. - № 9. – С. 73-82; 0,6 п.л.

12. *Эбзеев, А. А.* Власть и элита как источник политических конфликтов / А. А. Эбзеев // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* – 2015. - № 3. – С. 180-189; 0,6 п.л.

13. *Эбзеев, А. А.* Глобализация и этнополитическая компонента внутривполитических процессов Северного Кавказа / А. А. Эбзеев // *Современная наука и инновации.* – 2016. - № 1. – С. 191-198; 0,4 п.л.

14. *Эбзеев, А. А.* Этническая идентификация и самоидентификация, как фактор политической науки / А. А. Эбзеев // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* – 2016. - № 2. – С. 166-174; 0,5 п.л.

15. *Ebzeev A., Shebzukhova F.* The Integration Vector of the Non-institutional Political Process // *Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs. Social Origin* Editors: Popkova, Elena G., Sergi, Bruno S. (Eds.). Vol. 1100. 2020. P. 215-220 (Scopus, Springer); 0,3 п.л./0,15 п.л.

16. *Ebzeev A., Shebzukhova F.* Factor of the Center in the Disintegration and Integration Trends of the Non-institutional Political Process // *Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs. Social Origin* Editors: Popkova, Elena G., Sergi, Bruno S. (Eds.). Vol. 1100. 2020. P. 642-647 (Scopus, Springer); 0,3 п.л./0,15 п.л.

17. *Ebzeev A., Shebzukhova F.* Disintegration Vector of the Non-institutional Political Process // *Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs. Social Origin* Editors: Popkova, Elena G., Sergi, Bruno S. (Eds.). Vol. 1100. 2020. P. 648-653 (Scopus, Springer); 0,3 п.л./0,15 п.л.

б) монографии:

18. *Эбзеев, А. А.* Политическая реинтеграция в геостратегическом пространстве Западного Кавказа / А. А. Эбзеев. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН, 2010. – 122с.; 7,6 п.л.

19. *Эбзеев, А. А.* Политическая интеграция, реинтеграция, дезинтеграция в политическом пространстве Западного Кавказа / А. А. Эбзеев. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН, 2010. – 164с.; 10,25 п.л.

20. *Эбзеев, А. А.* Политическая реинтеграция в геостратегическом пространстве (на примере Западного Кавказа) / А. А. Эбзеев. – Саарбрюккен, Германия: Изд-во LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 157с.; 9,8 п.л.

21. *Эбзеев, А. А.* Народное Собрание (Парламент) Карачаево-Черкесской Республики. 1995-2015 / А. А. Эбзеев. – Черкесск: Изд-во Западно-Кавказского аналитического центра, 2015. – 400с.; 25 п.л.

в) другие публикации по теме исследования:

22. *Эбзеев, А. А.* Власть и элита как источник политических и этнополитических конфликтов на Северном Кавказе // Путь в науку: материалы региональной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 50-78; 1,75 п.л.

23. *Эбзеев, А. А.* Дезинтеграционные факторы на политическом пространстве Северного Кавказа / А. А. Эбзеев // Научный журнал Российской академии наук. – 2007. - № 23. – С. 87-90; 1,44 п.л.

24. *Эбзеев, А. А.* Этнополитический аспект и проблемы реинтеграции политического пространства / А. А. Эбзеев // Научный Олимп: материалы науч. конф. – Армавир, 2008. – С. 87-120; 2 п.л.

25. *Эбзеев, А. А.* Влияние этнополитических вызовов на поведение правящих элит северокавказского региона / А. А. Эбзеев // Проблемы воспитания толерантности и профилактики экстремизма в молодежной среде: материалы Международной науч.-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 47-61; 0,87 п.л.

26. *Эбзеев, А. А.* Традиционные институты управления человеческими ресурсами на Северном Кавказе / А. А. Эбзеев // Инновационная концепция управления человеческими ресурсами: материалы V региональной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 75-80; 0,3 п.л.

27. *Эбзеев, А. А.* Социализация молодежи Северного Кавказа – как ответ вызовам современности / А. А. Эбзеев // Социализация молодежи Юга России в XXI в.: материалы международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 35-40; 0,3 п.л.

28. *Эбзеев, А. А.* Ситуация на рынке труда и его влияние на социальное самочувствие региона / А. А. Эбзеев // Оптимизация рынка труда: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир, 2008. – С. 83-90; 0,44 п.л.

29. *Эбзеев, А. А.* Формирование системы воспитания культуры межнационального общения в северокавказском сообществе / А. А. Эбзеев // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX-XXI вв.). – Москва: Изд-во Института российской истории РАН, 2009. – С. 380-404; 1,5 п.л.

30. *Эбзеев, А. А.* Концепция устойчивого развития и этнополитическая безопасность / А. А. Эбзеев // Современная Россия: проблемы и тенденции социального развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир, 2009. – С. 70-80; 0,67 п.л.

31. *Эбзеев, А. А.* Воздействие глобализации на политическую трансформацию Северного Кавказа / А. А. Эбзеев // Вестник института стратегических исследований ПГЛУ. – Пятигорск, 2012. – С. 92-99; 0,44 п.л.

32. *Эбзеев, А. А.* Идеология экстремизма и духовная безопасность общества / А. А. Эбзеев // Гуманитарное знание и духовная безопасность: материалы научно-практической конференции с международным участием (г. Грозный, 13 декабря 2014г.). – Махачкала, 2014. – С. 279-287; 0,5 п.л.

33. *Эбзеев, А. А.* Теоретико-методологические основы изучения глобализации в контексте геополитики / А. А. Эбзеев // Современная наука и инновации. – 2015. - № 3. – С. 192-200; 0,5 п.л.

34. *Эбзеев, А. А.* Концепт этнополитической безопасности в условиях глобализации / А. А. Эбзеев // Научный Вестник ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». –Невинномысск: Изд-во НГГТИ, 2015. - № 4. – С. 4-10; 0,37 п.л.

35. *Эбзеев, А. А.* Тема «Этнос и общество» на уроках обществознания как фактор формирования толерантности в рамках реализации ФГОС / А. А. Эбзеев // Вестник Карачаево-Черкесского республиканского института повышения квалификации. – Москва, 2016. - № 2. – С. 79-85; 0,37 п.л.

36. *Эбзеев, А. А., Шебзухова, Ф. А.* Национально-культурное самоопределение в условиях глобализации как фактор этнокультурной безопасности региона / А. А. Эбзеев, Ф. А. Шебзухова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. - № 12. – С. 141-143; 0,12 п.л./0,06 п.л.

37. *Эбзеев, А. А., Эркенов А. Н.* Политическая жизнь общества в контексте глобализирующейся реальности / А. А. Эбзеев // Conference proceedings “BRIDGE TO SCIENCE: RESEARCH WORKS”. February 28, 2018. – San Francisco, USA. – P. 131-134; 0,18 п.л./0,09 п.л.

38. *Эбзеев, А. А., Шебзухова, Ф. А.* Информационно-коммуникационные технологии в контексте информационной войны современных геополитических акторов / А. А. Эбзеев, Ф. А. Шебзухова // Conference proceedings 6 International Conference “SCIENCE AND PRACTICE: A NEW LEVEL OF INTEGRATION IN THE MODERN WORLD”. May 28, 2018. – Sheffield, UK. – P. 94-102; 0,5 п.л./0,25 п.л.

39. *Эбзеев, А. А., Эркенов А. Н.* Политические тенденции развития образования на Северном Кавказе / А. А. Эбзеев, А. Н. Эркенов // Scope Academic House. 7 International Conference “SCIENCE AND PRACTICE: A NEW LEVEL OF INTEGRATION IN THE MODERN WORLD”. October 28, 2018. – Sheffield, UK. – P. 51-55; 0,25 п.л./0,12 п.л.

40. *Эбзеев, А. А., Шебзухова, Ф. А.* Этнические меньшинства как фактор политического процесса / А. А. Эбзеев, Ф. А. Шебзухова // International Conference SCIENTIFIC RESEARCHES FOR DEVELOPMENT FUTURE. 2018. Sheffield, UK. – P. 61-66; 0,3 п.л./0,15 п.л.

41. *Эбзеев, А. А.* Глобалистический контекст геостратегии этнических элит северокавказского региона / А. А. Эбзеев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. - № 1. – С. 65-71; 0,37 п.л.

42. *Эбзеев, А. А.* Неинституированный политический процесс: сущность, особенности / А. А. Эбзеев // Современная наука и инновации. – 2019. - № 1. – С. 322-338; 1п.л.